Павел Бажов

Зеленая кобылка

За большими окунями

В то лето, 1889 года, мы усердно занимались рыбной ловлей. Только это уж была не забава, как раньше. Ведь мы не маленькие! Каждому шел десятый год, все трое перешли в третье, последнее, отделение заводской школы и стали звать друг друга на “ша”: Петьша, Кольша, Егорша, как работавшие на заводе подростки. Пора было помогать чем-то семье. И вот мы сидели утрами на окуневых местах, вечерами выискивали ершей, в полдень охотились за чебаками. Наши семейные нередко хвалили за это.

— По рыбу в люди не ходим, свой рыболов вырос, — скажет при тебе мать. Иной раз отец одобрит:

— Хоть мелконька рыбка, а всё — ушка! Понятно, что такие разговоры подбадривали нас, но все-таки тут было что-то вроде шутки: говорят, а сами посмеиваются.

Вот бы так наудить, чтобы не смеялись! С полведра бы окуней, да всё крупных! Либо ершей-четвертовиков!

— Давай, ребята, сходим на Вершинки, — предложил вечером Петька. — Вот бы половили! Там, сказывают, всегда клёв. Сходим завтра?

— Не отпустят, поди, одних-то.

— Это уж так точно, не отпустят, — согласился Петька. — А мы так...

— Отлупят тогда.

— Не отлупят. Мы скажем, будто на Плески пошли либо к Перевозной на целый день, а сами туда...

— Наскочишь на кого на перевозе-то... Мало ли наших на Вершинки бегают. Яшку-то Лееину забыл? — сказал Колюшка.

— А мы трактом.

— Далеко так-то.

— Десять-то верст далеко? Ты маленький, что ли? Не дойдешь?

— Ну-ка, ладно нето, — согласился Колюшка. — Червей надо накопать, а завтра пораньше пойдем. Не проспим?

— У нас — Гриньша в утренней смене. Разбудит меня, — успокоил Петька.

Вершинки — это завод на той же речке Горянке, на которой жили и мы. Поселок при заводе был маленький, а пруд гораздо больше нашего, горянского. О рыбалке на этом пруду мы давно думали. Мешало одно — не отпускали. По зимней дороге до Вершинок считалось меньше пяти верст. Летом пешие рабочие ходили через Перевозную гору, от нее переплывали пруд на лодках или пароме и выходили на зимник. Этот путь был немногим больше пяти верст. Но ездить так было нельзя: хлопотливо с перевозом и очень крутой спуск с Перевозной горы. Ездили трактом вдоль пруда. Эта дорога была много длиннее. По ней до Вершинок считалось больше десяти верст. Выбрали мы эту длинную дорогу потому, что тут "е ждали встретить никого из знакомых взрослых. К тому же на перевозе у нас был враг — угрюмый старик перевозчик Яша Лесина. Раз как-то мы угнали у него лодку, так еле улепетнули. Вдогонку еще сколько орал:

— Я вас, мошенников! Поймаю, так оборву головы-то! Тому вон чернышу большеголовому первому! Колюшка потом, правда, говорил:

— Ну, этак он всем ребятам грозит. Где ему всех упомнить, кто лодку угонит.

Мы с Петькой, однако, побаивались:

— А вдруг узнает! Не зря же он про Петькину голову кричал. Заметил, видно.

Уйти из дому на целый день с удочками было просто. Сказались, что пошли до вечера на Пески, а то и к Перевозной горе. В ответ каждый получил строгий наказ:

— Гляди, чтобы к потемкам домой! Слышал? Открыто взяли по хорошему ломтю хлеба да по такому же тайком. Каждый не забыл по щепотке соли и нащипал в огороде лукового пера. Червянки были полны, и удочки приготовлены с вечера. Сначала шли хорошо. Было еще рано, хотя уже становилось жарко.

На пятой версте от Горянки есть участок Красин. Тут был когда-то железный рудник, потом около этого места мыли золото, а теперь по красноватому каменистому грунту весело журчали мелкие ручейки. Живая струя в жаркий день кого не остановит! Стали мы собирать разноцветные галечки. Потом кто-то сказал:

— Ребята, а вдруг тут самородок?

— А что ты думаешь — бывает. Поверху находят.

— Вот бы нам! А? Это бы так точно,—сказал Петька.

— Хоть бы маленький!

— Я бы первым делом жерличных шнурковкупил. На шестьдесят бы копеек! Три клубка.

— Найди сперва!

Самородок, конечно, не нашли, но по ручьям спустились к пруду, который в этом месте близко подходил к дороге. Как тут не выкупаться! И место как нельзя лучше.

После купанья стали осматривать свои запасы. У каждого было по два ломтя хлеба, по щепотке соли и по пучку лукового пера. До Спасова дня нам запрещалось рвать лук с головками, но у Петьки все-таки оказалось три луковицы, у меня — две. По поводу моих ломтей Петька заметил:

— Тебе, Егорша, видно, бабушка резала? Ишь какие толстенные.

У Колюшки не было луковиц, да и ломти оказались тоненькими. Петька выбрал самую большую луковицу и протянул ему:

— Бери, Медведко, да -вперед учись у больших!

— Ну-к, я, поди-ка, старше тебя.

— На месяц? О чем говорить! Ты вот лучше померяйся со мной! Увидишь, кто больше.

Я отделил Колюшке половину своего ломтя, но уж ничего не сказал. Наши отцы все жили не звонко, но Колюшке все-таки приходилось хуже всех.

Когда так подравняли запасы, все отломили по кусочку.

— Эк, с лучком-то! Это так точно! — воскликнул Петька.

— Здорово хорошо.

— Промялись. Пять верст прошли.

— Ребята, дорога-то как кружит! Сколько идем, а Перевозная гора — тут она. Совсем близко.

— Сперва ведь Мохнатенькую обходили. Она вон какая широкая!

— Про что я и говорю. От Перевозной к этому бы месту.

Под разговоры о прямой дороге мы незаметно и съели весь хлеб до крошки. У каждого осталась лишь соль — было с чем уху сварить. И посуда была: все трое вместо корзинок тащили на этот раз по ведерку.

Выкупались еще раз, “на дорожку”, и пошли. После еды и купанья идти стало легче, приятнее. Стали заглядывать в лес, не попадутся ли ягоды.

Вдруг Петька закричал:

— Ребята, зеленая! У куста села! И он бросился к кусту, из которого сейчас же выпрыгнула большая ярко-зеленая кобылка. Мы не хуже Петьки знали, что на такую кобылку хорошо берет крупный елец и чебак, и тоже стали ловить ее. Такая кобылка встречается не часто и очень далеко прыгает. Втроем все-таки одолели, и Петька понес полузадавленную добычу. Мы ему наказывали:

— Гляди, Петьша, не выпусти! Они страсть живучие!

Петька хвастливо уверял:

— У нас не вырвется! Не такому попала! Петькино хвастовство показалось обидным.
— Подумаешь! Ловко не выпустить-то, коли я ее раз прихлопнул да другой раз ножку обломил. Куда поскачет хромая-то?
Мы предлагали Петьке: “Давай я понесу”, но он важничал, напоминал, что это он увидел и поймал кобылку.
— Вот хвастун! Еще бы не поймать, коли мы ее оглушили! Задается теперь. Да мы такого барахла сколько хочешь наловим.
Не сговариваясь, мы с Колюшкой бросились ловить кобылок. Их было много. Чаще всего попадались жирные желтяки, которые смолку дают. Зажмешь такую в кулак, поскачешь кругом на одной ножке да попросишь: “Кобылка, кобылка, дай мне смолки!” — она и выпустит каплю. Черная, густая, как есть смола! Много было серовиков, каменушек, остроголовиков. Реже попадались черные летунцы, но зеленой не было.
Петька посмеивался:
— То, да не то. Не то-о!
Зато наша добыча не требовала такой охраны, как Петькина. Сдавишь пойманным головки и бросаешь в ведерко. Там они и ползают вокруг тряпочки с солью и смолку оставляют, хоть их никто не просит.
Мы так занялись ловлей кобылок, что Петька взвыл:
— Ребята, что всамделе! Кобылок мы пошли ловить али на Вершинки за рыбой? Пойдем скорее! Мало ли таких кобылок! Неси мою, кому охота.
— Ага, покорился!
Я осторожно перехватил зеленую кобылку, и мы зашагали по дороге. Вскоре вышли на урочище речки. По настоящему, это два рукава нашего горянского пруда, через которые переброшены мосты. Один побольше, другой вовсе маленький. Первый прошли спокойно, но на втором остановились. Соблазнило место. В тихой воде были видны заросли щучьей травы, расположенной грядами. По воде плавали на гибких стеблях круглые листья купавок, и везде расходились большие и маленькие круги от плавившейся рыбы.
Как пройти мимо такого места с зеленой кобылкой? Только Колюшка настойчиво твердил:
— Пошли, ребята, до места! Тут вовсе близко, версты, поди, не будет.
Уговорить нас все-таки ему не удалось.
— Мы только попробуем. Скорехонько. Ты иди потихоньку один.
Когда Петька разматывал удочку, Колюшка еще пригрозил:
— Глядите, ребята, заведет вас эта зеленая!
— Куда заведет?
— А вот увидишь. Как вечером драть станут, так поминай меня.
— Тебе какая печаль?
— Ну-к, мне столько же попадет. Знаешь ведь у нас матери? “Заединщина — заодно и получай!” Только и слов у них, а отцы похваливают: “Пущай без обиды растут!” Говори вот вам!
— Не бойся, Кольша! Мы только два разичка. Это уж так точно. Без этого не пойдем.
Петька насадил кобылку, поплевал ей на головку и забросил в середину самого дальнего прогала, какой можно было достать удочкой. Не прошло и полминуты, как поплавок глубоко нырнул, удилище дрогнуло, и Петька, закусив губу, как в драке, выметнул на мост большую рыбину. Это был елец, но Петька для важности назвал его подъязком. Мы не спорили — уж очень крупный елец. Такого можно и подъязком звать. Петьке повезло: зеленая кобылка оказалась нетронутой, и он снова забросил соблазнительную приманку. Но на этот раз с оплавком было спокойно. Петька терпеливо ждал и в утешенье себе говорил:

— Подъязков-то в нашем пруду так точно, а мелочь и подойти боится.
Чтобы не стоять зря, мы с Колюшкой тоже размотали удочки. Колюшка попробовал на червя, и вышло неплохо. Мелкие окунишки брали “по-собачьи”, с трудом крючок достанешь. О насадке беспокоиться не приходилось — лишь бы прикрывала жальце крючка.
У меня тоже стали клевать мелкие ельцы и чебачишки. Петька все чаще начал коситься в нашу сторону, но все еще надеялся на свою зеленую кобылку.
— Пф! Мелочь у вас! Такая к моей кобылке небось не подойдет.
Но вот у него потянуло поплавок. Петька насторожился, опять закусил губу, ловко подсек и вымахнул малюсенького чебачишку. Мы с Колюшкой захохотали.
— О-о! Замах большой — добыча малая.
— Вот тебе и боятся!
Петька сорвал с крючка чебачишку, швырнул его в воду, раскрошил и разбросал по мосту свою зеленую кобылку.
— Пошли нето, ребята! Пошевеливайся! Но у Кольки брали окунишки, и он не прочь бы тут остаться до вечера.
— Клюет ведь. Чего еще? Тут бы поудили — да домой.
— Эх ты, маленький! Шли-шли, до порога не дошли, постояли да назад пошли. Разве это рыба? А там, может, таких надергаем, что ну!..
— Ну-к опоздаем, а мне уж поесть охота. Упоминание о еде было вовсе ни к чему — есть всем хотелось. В знакомых местах мы хорошо умели узнавать время по солнцу, а здесь как? С моста нам виден был рукав пруда. Извилистые берега так густо заросли ивняком и ольховником, что выхода ни в ту, ни в другую сторону не было видно. Рукав походил на озерко или на зарастающую старицу. С которой стороны тут восход, где полдень? Спросить бы у кого, сколько времени. На наше счастье, по длинному мосту загремела телега. Ехала какая-то женщина.
— Тетушка, который час?
— Не знаю, ребятишки. Из больницы я. Долго там просидела. Час, поди, пятый, а то и больше.
Ясно, она не знала. Откуда пятый, коли вовсе недавно утро было! Не может быть.
— Опоздаем, ребята! Слышали — пятый час! — попытался отговорить Колюшка.
— Не знает она. Насиделась в больнице — вот ей и показалось. Пошли!
;
В лесу под выстрелами
В маленьком Вершинском поселке все дома вытянулись одинаркой вдоль тракта. Ближе и удобнее было идти трактом, но мы побоялись вершинских ребятишек: поколотят да еще удочки поломают. Не любят наших — горянских.
Решили обойти поселок по заогородам, но это оказалось не очень удобно. Одни огороды были покороче, а другие глубоко уходили в лес. Петька шутил:
— Самые окуневые места! Закидывай, ребята! Вон под сосной щука метнулась! Жерлицу бы тут, а? В самый раз!
Наконец попался какой-то особо длинный участок. Обходили-обходили его и вышли на зимник, по которому летом ходили на перевоз, а зимой ездили.
Широкая полоса зимней дороги между ровными стенами соснового бора оказалась чудесной. Вся она заросла белой ромашкой, сиреневой блошником, желтой мыльнянкой, голубыми колокольчиками, малиновым иван-чаем. Над хрупкими, осыпающимися цветами мыльнянки вились какие-то редкие пестро-синие бабочки. Около длинных цветов иван-чая жужжали медуницы, гудел шмель, летали мелкие пичужки. По пестрой полянке чернели плотно утоптанные тропинки — “рабочий ход”.

— Ребята, обратно этой дорогой пойдем, по рабочему ходу, а?.. Я тут цветков нарву нашей Таютке, — сказал Петька.
— А Лесины не боишься? — спросил Колька.
— Не узнает в потемках-то. Вершинскими скажемся. Перевезет?
Решив так, мы вперегонку побежали по тропинкам. Уж очень они хорошо утоптаны, и так их много. Долгоногий Петька, как всегда, опередил всех нас. Колюшка отстал. Там, где красивая полянка зимника перешла в каменистый пустырь, Петька остановился и закричал:
— Гляди-ка, Егорша, масляник ровно бежит. Низенький Колюшка и верно походил на молодой, крепкий масляк. Бежал он ровно, подавшись всем телом вперед. Круглая голова и густые, плотно лежащие волосы медного цвета еще больше делали его похожим на грибок, когда он только что вылезает из земли.
— Отстал, маленький?
— Ну-к что! Зато я этак-то хоть версту пробегу, а ты язык высунешь.
— Ну...
— Вот те и “ну”... А ты задерешь башку, руками замашешь... Кто так бегает?
— У тебя поучиться?
—Хоть бы и у меня. Не думай, что ноги долгие, так в этом сила. Дых-от у меня лучше. Вишь, ровно и не бежал, а ты все еще продыхаться не можешь.
Это был старый спор. Петька в нашей тройке был выше всех. Худощавый, длиннорукий, с угловатой головой на длинной шее, он легко обгонял нас. Но бегал он неправильно — закидывал голову и сильно размахивал руками. Оба мы старались уговорить Петьку, чтобы он “бегал по правилу”, а Петька щурил свои черные косые глаза, взмахивал головой и говорил:
— Эх вы, учители! А ну, побежим еще.
Под этот спор мы прошли половину пустыря. Тут справа от него выходила торная дорожка с прииска Скварец. Прииск совсем близко. Не только гудки слышно, но шум машины и поскрипывание камня под дробильными бегунами.
По этой дороге со Скварца “гнал на мах” какой-то крутолобый старичина в синей полинялой рубахе, в длинном холщовом фартуке, в подшитых валенках, но без шапки. Фартук сбился на сторону и трепыхался, как флаг. Старик был в таком возрасте, в каком обычно уже не гоняют верхом.
Глядя, как он, сгорбившись, высоко подкидывал локти, мы расхохотались, а Петька крикнул:
— Ездок — зелена муха! Пимы спадут! Старику, видно, было не до нас. Он даже не посмотрел в нашу сторону, направляя лошаденку к заводской конторе.
— На телефон пригнал. Случилось, видно, что-нибудь на Скварце, — сделал я предположение.
— Случилось и есть! — подтвердил Петька. — Не без причины караульный пригнал. Это уж так точно.
— Почему думаешь, караульный?
— На вот! Не видишь — старик, в пимах, в запоне. Кому быть?
— Пожар, поди...
— А гудок где? Завывало бы, а видишь — молчит. Нет, тут другое.
— Золото украли?
— Украдешь, как же! Тятя сказывал — большая строгость у них. Стража там, начальство... Подступу нету. Всякого обыскивают. Догола раздевают. Украдешь! Так точно.
— А много на Скварце рабочих?
— С тысячу, а то и больше.
— И все в земле? — спросил Колюшка.

— Ты думал — на облаке? — захохотал Петька.
— Ну-к, мало ли. У машин там либо еще где.
А где они живут?
— Казармы там. Помногу в одном доме живут. Больше пришлый народ. Отовсюду. И наши, заводские, есть. Только они домой бегают через перевоз.
По приисковой дороге опять показались две лошаденки, запряженные в песковозки. На той и другой таратайке стояли женщины, размахивавшие концами вожжей. Из лесу наперерез им вылетел на высокой, гнедой лошади стражник с зелеными жгутами на плечах и заорал:
— Куда вы? Поворачивай сейчас же! Женщины что-то кричали в ответ, но нам не было слышно. Потом они поворотили лошадей и трусцой поехали обратно, а стражник направился к конторе.
Старик уже вышел из конторы, и около него толпилось человек десять — пятнадцать. Стражник что-то сказал старику. Тот закивал плешивой головой, взобрался с чурбана на лошадь и поехал обратно. На этот раз шагом. Стражник еще что-то говорил около конторы. Часть людей торопливо побежала к поселку, а часть пошла к зимнику. За ними поехал и стражник.
Старик остановился у леса, привязал лошадь к сосне, сел на пенек, достал кисет и стал курить цигарку.
— Это так точно... — проговорил Петька.
— Что — так точно?
— Видел — горная стража выскочила?
— Ну?
— Ну и ну... Только и всего. На плотине с дребезжаньем прозвучало пять ударов колокола.
— Пошли, ребята! Вон уж сколько часов!
— Верно тетка-то говорила. Опоздаем мы.
— Часика два порыбачим — и домой. Пруд был тих и пустынен. Только на мостике между ледорезами стоял человек с удочкой да в дальнем заливе виднелся одинокий рыбак на лодке.
Место для рыбалки мы выбрали удачно. Колюшка первый вытащил довольно порядочного окуня. Потом пошло и у нас. Петька уже хвастался:
— Полторы четверти от хвоста до головы! Винтом шел. Еле выволок его!
Два часа промелькнули, как миг. Когда плотинный караульный отдал семь ударов, Колюшка стал сматывать удочки.
— Ну-к, ребята, хватит! Тоже не близко, хоть и по перевозу. То да се — дождемся потемок.
— Испугался?
— Испугался не испугался, а пора. Есть мне охота.
— У тебя только и разговору, что об еде.
— Ну-к, к слову я...
— Опять закословил!
Спускаясь с плотины, мы увидели, что старик сидит на том же пне, а около сосны стоит привязанная лошадь.
— Видно, стражник ему велел дорогу караулить. Оттуда не выпускают, а туда? Пустят — нет?
— Дедко, что там случилось? — крикнул Петька.
— Свинушка отелилась, — откликнулся старик.
— Нет, ты скажи толком.
— Толком — с волком, со мной — шутком.
— Свадебщик, видно, — догадался Петька и звонко закричал: — Ездок — зелена муха! Пимы потерял!
— Я потерял, ты подобрал — кто вором стал? — откликнулся старик.

— Тьфу ты, стара шишига, не переговоришь такого! — плюнул Петька.
Не много успели пройти по пестрой полянке зимника, как где-то близко — нам показалось, в лесу, слева, — раздался выстрел. Было время охоты на боровую птицу, и выстрелы в лесу были не редкостью. Только тут происходило что-то непонятное. Не прошли и десяти шагов — опять выстрелы. На этот раз часто, один за другим. Снова одинокий выстрел, и опять — раз, два, три...
— Ходу, ребята! — крикнул Петька и бросился с полянки в лес направо, туда, где мы пробирались, когда шли вперед.
На полянке зимника было еще совсем светло, а в лесу уже стало по-вечернему неприветно, глухо, угрюмо.
Бежать лесом с удочками и ведерками не так удобно, и наш Кольша растянулся. Он сломал удилище, поцарапал себе руку и рассыпал своих окуней. Невольная остановка, пока собирали рыбу, нас немного образумила.
Куда бежим? Зачем?
Выстрелов больше не было, и мы отправились обратно к зимнику. На опушке оказался какой-то молодой мужик в розовой, измазанной глиной рубахе. Заметив нас, он негромко спросил:
— Вы куда?
— На перевоз. В Горянку нам.
— Не велено тут! Вон, гляди, стражники... Вдали мы увидели человек пять стражников. Разъезжал и тот, который заворотил женщин на прииск. Притаившись за деревьями, мы стали спрашивать мужика:
— Дяденька, а как нам в Горянку-то?
— Трактом попытайтесь.
— Тут-то хоть что?
— Ловят одного...
— Кого?
— Ну, начальство знает. Отойдите-ка, а то еще налетит. Вишь, сюда глядит...
— Кто стрелял-то?
— А мне видно? Стражники, поди... Может, и тот стрелял.
— Кто?
— Да которого ловят... Уходите, ребята. Не велено сказывать. Политика он... Поняли? Уходите сейчас же.
Слово “политика” мы слыхали. Взрослые в наших семьях говорили это слово с опаской, потихоньку, но с уважением. Зато наш уличанский подрядчик Жиган орал на всю улицу, когда рассчитывался со своими рабочими:
— Вы что? Политика али что? Научились, главное дело, в чужом кармане считать! Покажу вот дорожку! Покажу! Становому сказать — живо отправит. Сибирь-то, она, брат... На всех, главное дело, хватит!
Опять послышались выстрелы. Редкие, гулкие, но тех, коротких и быстрых, на этот раз не было. Стражи ник на гнедом коне поскакал во весь опор к перевозу.
— Углядел что-то, коршун! — промолвил мужик в розовой рубахе.
Выстрелы стали чаще, но всё такие же гулкие.
— Нашли дурака! Так он вам и покажет, где сидит!
— Он где?
— Кто знает, может — в этом лесу, может — давно через тракт перебежал. Ищи тогда! Простоим ночь у пустого места.
— Ты караулишь?

— Поставили, вот и стою. Что станешь делать! А вы лесом-то не ходите, прямо на огороды нравьтесь. Перелезете где-нибудь да по тракту и ступайте, а то еще под нечаянную пулю попадете.
Мы послушались совета. Пошли прямо на огороды, перелезли через прясло, прошли лесной участок и вышли на разделанное под огород место. Огород упирался в глухую стену надворных построек, проездные ворота были заперты. Постройки были хорошие, под железными крышами. Видно, это был дом какого-нибудь заводского начальства.
Перешли еще два-три огорода, а все то же: глухая стена построек и запертые ворота. Наконец попался нам “голый дом”, у которого стояла одна покосившаяся конюшенка без крыши. Через наружное прясло, виден был тракт. Это как раз нам и надо было. И гряды здесь шли вдоль — удобно для выхода.
— Ну-к что, пошли, ребята! — И Кольша, помахнвая ведерком и обломками удилища, пошел по борозде между картофельными грядами, мы — за ним.
В это время яростно залаяла собачонка, выбежавшая из-за конюшенки. За собачонкой вылетела женщина в синем платке, с какой-то узенькой крашеной дощечкой, должно быть, от кросен. Женщина угрожающе взмахивала дощечкой и кричала:
— Я вас, негодников! Нарву вот крапивы... Кольша, однако, спокойно шел прямо на женщину. Он у нас всегда такой! Без сноровки и в драку ходил. Мы, конечно, поторопились поддержать товарища:
— Мы, тетенька, не воровать...
— Нам только на улицу перелезть.
— Что вам тут за дорога? — спросила женщина помягче.
— Не пускают зимником-то, велят по тракту. Мы и пошли огородом. Ничего не рвали, хоть обыщи!
Женщина цыкнула на собачонку и совсем спокойно стала спрашивать, чьи мы, как сюда попали и что видели на зимнике.
Когда мы рассказали, женщина раздумчиво проговорила:
— И здесь, поди, вас не пропустят. Возчиков вон всех заворотили. До Речек, слышно, облаву протянули. Недавно ваш горянский на паре лошадей шестерых стражников привез. Как быть-то? Ночевать, видно, вам у меня. А дома-то, поди, ждать будут. Спрашивались хоть у матерей-то?
— Нет, тетенька. Не спрашивались.
— Ох, ребята, горе с вами! На-ко, куда не спросясь убежали! Как теперь, а?.. Темно ведь скоро будет, а то бы по Коровьему прошли, а там берегом. Забоитесь по потемкам-то?
— Не забоимся, тетенька! Не маленькие, поди.
— Видать! Так вы, нето, по заогородам ступайте. Тут их всего восемь осталось. У последнего-то огорода, от крайнего столба, прямехонько идти. Тропки там пойдут к болоту — оно ныне сухое. Ишь, в огороде-то все сгорело. Вдоль того болотца и ступайте. Оно вас к пруду выведет. Там мысок есть. На этой стороне мысок и на той мысок. Это и будет Коровье. Тут хоть широконько, а мелко: коровам по брюхо. Мы тут когда бегаем... в обход мостиков. Много короче выходит. А дальше — тропка, прямехонько к Перевозной горе. Знаете, поди, те места?
На плотине пробило девять. Колюшка не поверил:
— Просчитался дедко. Девять отбил!
— Девять и есть, — подтвердила женщина. Когда мы пошли обратно к пряслу, она остановила нас:

— Постой-ко, ребята, я вам хоть по кусочку дам. Есть захотели, поди, рыболовы?
Отказываться мы, конечно, не стали, и женщина вынесла нам три ломтика круто посоленного ржаного хлеба.

— Передайте матерям-то поклончик от Настасьи Огибениной. Пущай хорошенько вас надерут! — И сейчас же предупредила: — Вы, ребята, через прясла-то не ползайте. Тут через два огорода такие кикиморы живут. Придумали цепную собаку в огород спускать. Оборвет пятки-то. По заогородам идите! Да не забывайте — от последнего столба прямо. А как переходить станете, на мысок правьтесь. Направо-то глубоко. Не утоните хоть!
— Мы, тетенька, плавать умеем.
— Сажёнками, по-собачьи, по-лягушачьи. Это уж так точно.
— Вижу, что мастера. По три раза на день таких драть, и то, поди, мало. Ох, ребята, ребята!..
И вот мы опять в лесу, за огородами. Хлеб тетушки Настасьи оказался летучим — в минуту ни у кого не оказалось.
— Лучше бы она и не давала! — печально вздохнул Колюшка, а Петька набросился:
— Ты опять о хлебе! Под ноги гляди. Рыбу не рассыпь. Смотри, тихо, ребята! В оба гляди!
В лесу становилось темно. Трава под ногами потемнела и казалась мертвой. Откуда-то появилось много мелких черных сучьев. Куда ни ступишь — хрустят. Пока пробирались по заогородам, лес был “свечкой”, и от крайнего столба пошел “мохнач”, какой растет около болот. В таком лесу, да еще с большой примесью мелкого, и днем на пяти шагах человека не найдешь, а вечером и подавно. Тропку все-таки нашли без труда, и она вывела нас к болоту. Идти стало хуже. То и дело под ноги подвертывались узкие сухие кочки с глубокими провалами между ними. Провалишься — и под ногой обязательно хрустнет. Откуда только насыпалось столько всякой дряни! А Петька шипит:
— Ш-ш... ты! Тихо! Слышишь — говорят. Болото подходило местами близко к тракту. Оттуда вдруг послышались голоса:
— Не иголка, главное дело... Кругом обложено. Укажут ему дорожку, укажут Сибирь-то, она на всех, главное дело, хватит.
— Не горячись ты, сват! Может, он близко где... слышит тебя.
— А я боюсь? Да мне, главное дело, попадись только: сразу — прощай, белый свет...
Дальше не стало слышно, но мы все узнали, что это говорил наш уличанский подрядчик Жиган.
— Откуда тут Жиган? — прошептал Петька.
— Он, может, стражников-то и привез из Горянки. Тетенька про которых сказывала.
— И то... Тихо, ребята!
Болотце пошло влево, и голосов вовсе не стало слышно. Но от этого было еще страшнее. А вдруг заблудились! Уклон стал заметнее. Под ногами захлюпала вода.
— Она говорила, пересохло болото, а тут вода. Неладно, видно, идем, — сказал Кольша.
— К пруду пошло, то и вода. Не видишь — кусты там? Берег, значит... Тихо, ре...
Петька замер, не договорив слово. Остолбенели и мы.
Вправо от нас, прислонившись к сосне, сидел человек. В потемках нельзя было разобрать, молодой или старый, но без бороды и усов. Было видно, что одна нога у него разута, другая в сапоге. Правая рука была под широковерхой фуражкой, которая лежала на земле.
Человек сидел и молчал. Мы тоже молчали. Потом он попросил:
— Хлебца у вас, ребятки, нет? Кусочка...
Эти простые слова сразу успокоили. Даже веселее стало. Все-таки с большим, а то вовсе страшно в лесу.
Узнав, что у нас нет ни крошки, незнакомец стал нас расспрашивать, зачем мы сюда попали, кто наши отцы, где живут, куда мы идем.
Мы наперебой принялись рассказывать, а он то и Дело напоминал:
— Потише, ребятки, потише. Не кричите! Когда мы рассказали, что хотим перейти пруд бродом,

незнакомец заговорил быстрее, короче:
— Брод? Где? За этими кустами? Мне бы с вами.
Помолчав немного, незнакомец сказал:
— Ну-ка, ребятки, кто из вас покрепче? Этот вопрос в нашей тройке давным-давно был решен и сотни раз проверен. Мы с Петькой враз указали на Колюшку:
— Вот, дяденька, он.
— Этот? Всех меньше, а всех сильнее?
— Это уж так точно. Обоих оборает и на палке перетягивает. Медведком его зовем.
— Медведком? — усмехнулся незнакомец. — Ну-ка, подойди поближе. Встань вот сюда. Попытаем твою силу. — И он положил обе руки на плечи Колюшки, но сейчас же снял.
— Нет, ничего не выйдет. Идите вперед, ребятки, а я волоком за вами.
— Ты идти-то не можешь? — спросил Колюшка.
— То-то, Медведушко, не могу...
— Подстрелили тебя?
— Много узнаешь — дедком станешь. Иди.
— Ну-к, я сапог, нето, твой понесу.
— Это дело.
Незнакомец надел свою фуражку. Под ней оказался большой револьвер. Сунув револьвер в левый карман куртки, раненый лег на правый бок, подогнул, насколько можно, здоровую ягу вместе с прижатой к ней раненой, оперся руками о землю и подтянулся вперед.
В густой заросли кустарника мы нашли извилистую, переплетенную корневищами, но широкую тропу. По ней, видно, спускались коровы, когда стадо пасли на этом лесном участке. Тропа выходила на песчаный мысок, о котором говорила тетушка Настасья. Брод и выход к дому были перед нами.
;
Мимо двойного караула
Петька первым выбежал на мысок и сейчас же зашипел на нас:
— Тш... тш... Тише вы! Разговор где-то...
Мы прислушались. Справа как будто доносились голоса, но так смутно, что Колюшка заспорил:
— В ушах у тебя, Петьша, звенит.
— Как не так! Слушай хорошенько. Вот...
На этот раз довольно ясно донесся смех. Петька побежал к раненому, который с трудом, тихо постанывая, пробирался по коровьей тропе.
— Там, дяденька, разговаривают. Много...
— На том берегу?
— Нет, на этом же, только подальше.
— Ну погоди — сам послушаю, а вы потише. Раненый подполз к самому берегу и стал прислушиваться.
— Говорят где-то. Не близко только. Это по воде наносит. Потише все-таки нам надо. Как бы не услышали. Ну, кто первый брод пытать будет?
Мы не заставили себя ждать, но Петька все же опередил. Он был уже в воде и хвалился:
— Как щелок, вода-то! Теплехонькая.
— Тише, ребятки! Не булькайтесь! Если глубоко, лучше вернитесь, — посоветовал раненый.
Брод оказался удобным, но в одном месте, ближе к тому берегу, было все-таки глубоко. Переползти тут и высокому человеку было невозможно.
Выбравшись на другой берег, все мы, стуча зубами от холода, первым делом решили:

— Нет, не переползти ему.
— Глубоко. Где переползти!
— Кольше до самого горла доходит. Куда! Подскакивая на песке, я уколол себе ногу. Ухватившись рукой за больное место, нащупал что-то легонькое. Оказалась сломанная сережка.
— Гляди-ка, ребята!
— Может, золотая?
— Золотая! Кому тут золото терять. Медяшка — это так точно. Пятак пара... Постой-ка, ребята... может, тут перевоз вовсе близко. Сбегать бы поглядеть. Вон она, тропка-то!
— Без рубах?
— Ночь ведь.
— Холодно...
— А мы бегом.
— Ну-ка, а тот?
— Что тот?
— Подумает — убежали...
— Это так точно. Тогда, нето, вот как... Ты ступай к нему, а мы с Егоршей сбегаем. Нельзя ли там лодку подцепить. Так ему и скажи: лодку, мол, искать пошли, а без этого ему не переползти.
— А если вас поймают?
— Без рубах-то?
— Ну...
— Егорша тогда свистнет. Услышишь небось.
— Тогда погодите. Сперва я перебреду. Боюсь я один по воде-то.
Мы подождали, пока Колюшка переходил пруд, потом побежали по плотно утоптанной тропинке. Взошла луна, и по лесу легли белые полосы. Страху все-таки не стало. Мы знали, что позади нас люди и впереди, где-то близко, тоже. Дорожка была удобна. Она вывела нас к тем ручьям, где мы утром искали золото.
— Гляди-ка, Егорша, сколь мы давеча зря колесили. Тут вовсе прямо. А это уж к Перевозной горе пошло. Верно? Узнал место-то? Дураки были — кругом-то шли.
Под ногами пошел плитняк. Надо было выбирать, как лучше ступить, чтобы он не расползался и не гремел под ногами. На этом ползучем плитняке потеряли было тропинку, но вскоре нашли.
Дальше опять она пошла хорошо убитая, удобная.
Место здесь было знакомое, и мы почувствовали себя еще лучше.
На перевозе было тихо. Недалеко от перевозной избушки горел костер. У костра спиной к нам сидели. двое. В одном мы сразу узнали Яшу Лесину. Другой был незнакомый. Паром и все четыре перевозные лодки стояли у этого берега. Паром приходился как раз перед избушкой, а лодки были зачалены вдоль берега, ближе к нам. С краю стояла тяжелая лодка, человек на двадцать. Выбирать, однако, не приходилось: только ее и можно было увести незаметно.
Петька указал пальцем на лодку, и оба мы, прячась за деревьями, стали спускаться к берегу. Осторожно сняли чалку с пенька, еще осторожнее вошли в воду и, пригнувшись за правым бортом, легко сдвинули и повели лодку. Делалось это молчком. Тишину нарушали только всплески крупной рыбы в пруду да глухой гул голосов около костра.
Под ногами опять пошел плитняк. В воде по нему идти было еще хуже. Влезли в лодку, сели за весла и поплыли, стараясь не шуметь. Лодка была тяжела для нас, но все же подвигалась, только виляла: то пойдет вглубь, то лезет прямо на берег. Каждому из нас показалось, что виноват другой, и мы до того забылись, что стали громко перекоряться.
— Потише, ребятки! — образумил нас голос с берега.

Это было так неожиданно, что мы оба чуть из лодки не выпрыгнули. Оказалось, что незнакомец с Колышей давно услышали нас и сами позаботились найти удобное для причала место. Они выбрались повыше мыска. Незнакомец сидел на береговом камне, а рядом стоял Колюшка со всеми удочками, ведерками и нашей одеждой.
— Кормой подводи, ребятки! — распорядился раненый и, когда лодка зашуршала бортом о камень, похвалил: — В самый раз. Молодцы, ребятки. Замерзли, поди, без одежонки-то?
— Нет, дяденька. Вспотели даже.
— Скажите, как вам лодку пособило увести? Видели кого на перевозе?
Мы рассказали. Раненый спросил:
— Все, говорите, лодки у парома?
— Ну, а как же! Четыре их. Все они тут.
— На том берегу нет?
— Откуда!
— А вы глядели?
— Да не видно там. К кустам-то тамошним вовсе черно.
— Так, — проговорил раненый и еще раз спросил: — Не видно от парома тот берег?
— Нисколечко. Это уж так точно.
— У тебя отец из солдат, что ли?
— Нет, моего отца не брали. Вон у Егорши с Колышей отцы в солдатах были.
— У них и научился?
— Тактичнать-то?
— Ну...
— Да у меня тятенька этак не говорит, — заступился я за своего отца.
— А у меня? Кто слыхал? — отозвался Колюшка.
— Привычка такая... Это уж так точно, — потупился Петюнька.
— Эх ты, голован! Привычка старая, а годы малые! — рассмеялся раненый. — Ну, вот что, ребятки!.. Оделись? Ставь свои ведерки да удочки в лодку. К перевозу мне незачем. В той стороне, видно, ждут меня. Попытаем по этому берегу. Только вы, чур, молчок. Поняли? Кто бы ни спрашивал — ни одного слова! Ладно?
Нам стало не по себе.
— Теперь садитесь, ребятки, а я потом. Мы забрались в лодку. Раненый ловко перекинулся с камня на кормовую скамейку и стал готовиться в путь. Он первым делом вытащил из кармана револьвер и положил его на скамейку, под правую руку. Снял куртку и надел откуда-то взявшийся широкий рабочий фартук, повязал лицо платком, будто у него болят зубы. Только узел сделал не сверху, а на самом подбородке; Вместо фуражки надел вытащенную из кармана шляпу-катанку, в каких ходят на огневую работу.
У нас начался было спор, кому сидеть на веслах, но раненый строго приказал:
— Без спору! Сам расскажу, как надо. — И велел Петьке сесть к правому веслу, мне — к- левому, а Колюшке сказал: — Ты, Медведушко, в самый нос ступай да повыше как-нибудь взмостись. Не упади только.
Когда все приготовления кончились, раненый сильно оттолкнулся веслом от камня. Лодка теперь пошла без виляний и гораздо быстрее, чем у нас с Петькой. Держались не близко к берегу. Там, где берег делает крутой поворот направо, нас окликнули:
— Эй! Кто плывет? Отзовись!
Нас удивило, что незнакомец направил лодку на голос.
Не подплывая, однако, к берегу, он. спокойно отозвался:

— Тихонько говори! Вроде объезда мы. Стражники велели объехать.
— Так ведь мы караулим...
— Не верят, видно.
— Сами бы тогда и караулили! Гоняют народ. Мне утром-то, поди, на работу, — сердито сказал голос с берега.
— Нам, думаешь, на полати?
— То и говорю — мытарят народ.
— Кто у тебя с правой-то руки стоит? — спросил незнакомец.
— Поторочин Андрюха, из Доменной улицы... Слыхал?
— Как не слыхал — в родне приходится. А с левой руки кто?
— К перевозу-то? Никого нету. На краю стою.
—Как — нету? Стражники говорили — везде поставлены.
— Слушай ты их больше! Говорю, нету. Кого там караулить? Между зимником и трактом тот сидит. Коли он брод знает, и то не уйти. По всему тракту до самой плотины люди нагнаны и стражники ездят. Не уйти мужику. Вы не слыхали чего?
— Нет, не слыхали. Ты потише говори — не велено нам. — А ты испугался?
— Что поделаешь! У них палка, у нас затылок.
— То-то у тебя все как онемели! Ты сам-то хоть чей будешь?
— Не признал, видно?
— Не признал и есть.
— Подумай-ко... Делать-то все едино нечего.
— Скажись, кроме шуток.
— Не велено, говорю. Завтра все скажу.
— Шибко ты боязливый, гляжу.
— Да ты не сердись! Говорю, завтра узнаешь, а пока помалкивать станем.
И незнакомец махнул нам рукой — гребите. Мы налегли на весла, и лодка пошла под самым берегом.
На паромной пристани никого не было. Против, на Перевозной горе, все еще горел костер. Когда подплыли ближе к заводу, незнакомец проговорил:
—Ну спасибо, ребятки,—выручили наполовину. Как дальше будем? Еще помогать станете или уж будет? Натерпелись страху-то?
— Пусть другой кто боится. Мы не струсили! — сказал Петька.
— Ты за себя говори, а не за всех.
— Так мы, поди-ка, заединщина, — поспешил я поддержать Петьку.
—Ты что скажешь, Медведко?
— Ну-к, я — как Петьша с Егоршей.
— Тогда вот что, ребятки... Я вам покажу место, где меня искать. Только чтоб никому... Поняли?
Мы стали уверять, что никому не скажем.
— Ни отцу, ни матери. Не то худо будет. Знаю ведь, в которой улице живете.
— Да что ты, дяденька, разве мы такие!
— Ну, мало ли... Славные будто ребятки, да не знаю ваших отцов. То и говорю так, а вы за обиду не считайте. Ну, а если выдадите, беда вам будет.
Когда мы стали уверять, что никому ни за что не скажем, раненый заговорил опять ласково:
— Ладно, ладно — верю. Слушайте вот, что вам скажу. Сейчас мы подплывем к просеке на Каранда-шеву гору. Тут еще рудник был. Знаете?
— Костяники там много по ямам бывает.

— Ну вот. Против этой просеки я и вылезу. Только не на берегу буду, а постараюсь на ночь переползти к покосной дорожке. Лес там мелкий, да густой. Вот там и буду вас ждать. А вы мне хлеба притащите да черепок какой под воду. Ладно?
Мы, конечно, согласились.
— А как меня искать будете?
— Придем туда, кричать станем, ты и отзовись.
— Вдруг не узнаю ваших голосов, тогда как?
— Тогда... тогда Егорша пусть свистнет. Он у нас первый по улице. Большие против него не могут. Так свистнет — сразу услышишь.
— Нет, ребятки, это не годится. Вы лучше так сделайте. Идите из Горянки по покосной дороге. Как Дойдете до Карандашевой горы, до просеки этой, поворотите на нее да к пруду и ступайте — и всё одну песенку пойте. Какую знаете?
— Ну, про железную дорогу:
Полотно, а не дорожка,
Конь не конь — сороконожка...
— Вот... Ее и поите потихоньку, а я отзовусь.
А если не отзовусь — значит, меня тут нет.
— Ты где будешь? — спросил Петька.
— Как придется. Сам не знаю. А теперь приставать станем. Вон она, просека-то.
Высадившись на берег, раненый посоветовал:
— Вы, ребятки, так под берегом и плывите. У крайних улиц где-нибудь и высадитесь. Ваша-то которая?
— Пятая с этого конца.
— Тогда пораньше. А то, поди, ждут вас — заметят. Да лодку-то оттолкните! Ее за ночь к плотине и унесет. Вишь, в ту сторону ветерком потянуло. Не проболтайтесь смотрите!
Оставшись одни, мы долго сначала молчали. Лодка у нас завихлялась. Колюшка перебрался к рулевому веслу, и все это молчком.
Первым заговорил Петька:
— Гляди, ребята, чтоб ни-ни! Колотить дома будут — говори одно: ходили на Вершинки.
— Отлупят все равно.
— Ну-к, про это что говорить...
— Это уж так точно. Готовься, ребята! Только чтоб ни словечка про того-то! Да хлеба-то припасайте. Покормят, поди, нас... Отлупят сперва, потом кормить станут. Не зевай тогда! Ты, Егорша, у бабушки еще попроси. Скажи, не наелся. Она тебе еще отрежет, а ты — в карман.
Была глубокая ночь, но в домах кое-где видны были огни. Фабрика молчала — был летний перерыв. Только над домной взлетали столбы искр.
Чем ближе мы подплывали, тем страшней становилось. Вот и Вторая Глинка. Через одну улицу наша Каменушка.
— Правь, Кольша, к плотику. Высаживаться, видно, надо.
Мы высадились на плотик, уложили весла в лодку, повернули ее носом вглубь, оттолкнули от плотика, а сами по гибким доскам вышли на берег. Пройти еще шесть-семь домов до переулка, пересечь Первую Глинку — и мы дома... Никто, однако, не радовался. Каждый только пошарил в своем ведерке и рыбу покрупнее вытащил наверх.
— Ну-к, я говорил — заведет нас зеленая.. Вот и завела!
— Чудак ты, Кольша! Человека из беды выручили, а ты материной трепки испугался.
— А что, если, ребята, это конный вор? Сначала мы просто опешили от этого вопроса, потом

принялись доказывать Кольше, что это он вовсе зря придумал, что конных воров народ ловит, а не стражники, револьверов у конных воров не бывает, а подпилок да веревка.
— Ну-к, я тоже думал — не вор, — успокоил нас Колюшка. — Это он сам, как мы вдвоем-то оставались, все про лошадей спрашивал. Я сказал, что у Жигана девять лошадей, а он говорит — это мне не надо, скажи про рабочих, у кого есть лошадь. Вот я и подумал, на что ему.
— Сказал про лошадей-то?
— Всех перебрал на нашей улице.
— А он что?
— Не знаю, говорит, этих людей.
— Ну, вот видишь! Он знакомого человека ищет и с лошадью. Перевезти его. Это уж так точно. А что, ребята, если Гриньше сказать? Он нашел бы лошадь.
— Выдумал! Тебе что говорили? Если скажешь — я с тобой не заединщик.
— И я тоже.
— Ладно, ребята! Завтра спросим... про Гриньшу-то.
Все это говорилось на берегу. Лодку отнесло так Далеко, что едва можно было разглядеть. Домой все-таки надо идти.
Ох, что-то будет?..
;
Дома
У всех нас матери не спали.
Встретили “горяченько”, но вовсе не так, как мы ждали. Отцов у нас с Петькой не оказалось дома. По первым же словам мы поняли, где они.
Матери даже не спросили, как бывало раньше, когда мы опаздывали: “Что долго? где шатался? куда носило?”, а сразу перешли к приговорам:
— Я тебе покажу, как за большими гоняться! Будешь еще у меня? будешь? будешь?
— Больших угнали, а ты куда полез? Тебя кто спросил? кто спросил? кто спросил?
— Стражники наряжали? наряжали тебя? наряжали?
— Будешь помнить? будешь помнить? будешь помнить?
Вопросы, по обычаю тех далеких дней, подкреплялись у кого вицей, у кого — голиком, у кого — отцовским поясом. Мы с Петькой орали на совесть и отвечали на все вопросы, как надо, а терпеливый Колюшка только пыхтел и посапывал. За это ему еще попало.
— Наказанье мое! Будешь ты мне отвечать? Будешь? Будешь? Слышь, вон Егорко кричит—будет помнить, а ты будешь? А, будешь? Смотри у меня!
После расправы я сейчас же забрался на сеновал, где у меня была летняя постель.
Петька со своим старшим братом Гриньшей тоже спали летом на сеновале. Постройки близко сходились. У нас был проделан лаз, и мы по двум горбинам Легко перебирались с одного сеновала на другой. На этот раз Петька перелез ко мне и зашептал:
— Гриньша тут. Спит он. Потише говори, как бы не услышал. Про Вершинки-то сказал? — Нет. А ты?
— Тоже нет. Тебя чем?
— Голиком каким-то. Нисколь не больно. А тебя?
— Тятиным поясом. В ладонь он шириной-то. Шумит, а по телу не слышно. Гляди-ка у меня что!
— И Петька сунул что-то к самому моему носу.
По острому запаху я сразу узнал, что это ржаной хлеб, но все-таки ощупал руками.
— Этот — большой-то — мне Афимша дала, а маленький — Таютка. Она с мамонькой в сенцах спит. Как я заревел, она пробудилась, соскочила с кошомки, подала мне этот кусок: “На-ка,

Петенька!”, а сама сейчас же плюхнулась и уснула. Мамонька рассмеялась: “Ах ты, потаковщица!” Ну, а я вырвался да дёру. Под сараем Афимша мне и подала эту ломотину. Ишь, оцарапнула—это так точно!.. Еще, может, покормят. Не спят у нас. Ну, не покормят — мы этот, Таюткин-то, съедим, а большой тому оставим. Ладно?

Мне стало завидно. Ловко Петьке! У него четыре сестры. Таютка вовсе маленькая, а тоже кусочек припасла. А меня и не покормит никто.

Но вот и у нас во дворе зашаркали поземле башмаками. Петька толкнул меня в бок:

— Твоя бабушка вышла!

Смешной Петька! Будто я сам не знаю. Шарканье башмаков затихло у дверей в погребицу. Скрипнула дверка. Минуты две было тихо, потом послышался голос:

— Егорушко! Беги-ко, дитенок! Да, бабушку тоже неплохо иметь! Петька шепчет:

— Ты еще попроси. Не наелся, скажи. А сам не ешь! Почамкай только. Она не увидит.

Быстро спускаюсь с сеновала и подбегаю к погребице. Бабушка нащупывает одной рукой мою голову, а другой подает большой ломоть хлеба.

— Поешь-ко, дитятко! Проголодался, поди? Шуточно ли дело — с одним кусочком целый день. Да не поворачивай кусок-то. Так ешь!

По совету Петьки я начинаю усиленно чавкать, будто ем, и в то же время спрашиваю:

— Ты, бабушка, видела мою рыбу-то?

— Видела, видела... Хорошая рыбка. Завтра ушку сварим.

— Окуня-то видела... большого? Еле его выволок. С фунт, поди, будет. Будет, по-твоему?

— Кто знает... Хорошая рыбка... Как у доброго рыболова.

— Чебак там еще... Видела?

— Ну, как не видела... Все оглядела. Пособник ведь ты у меня! — И бабушка поглаживает меня по голове.

Я все время усердно чавкаю, потом говорю:

— Бабушка, я не наелся.

— Съел уж? Вот до чего проголодался! А мать-то и не подумает накормить! Сейчас я, сейчас... сметанкой намажу... Ешь на здоровье.

В это время хлопнула дверь избы, и мама звонко крикнула:

— Ты, рыболовная хворь! Иди-ко! Сейчас чтоб у меня!

Голос был строгий. Надо идти, а куда кусок, который я держал за спиной! Тут оставить — Лютра схамкает. В карман такой не влезет... Как быть? Сунул за пазуху—сметана потекла! Тоже бабушка! Всегда она так!

На столе оказались горячая картошка с бараниной, творожный каравай и крынка молока. Но приправа была горькая — мама плакала. Лучше бы она десять раз меня голиком, чем так-то. И я тоже разревелся.

— Не будешь больше?

— Не буду, мамонька! Вот хоть что... не буду. Засветло домой... всегда...

— Ну ладно, ладно... Хватит! Поешь вот. Один ведь ты у меня.

После этого я уж мог есть без помехи. На душе светло и весело, как после грозы. Но ведь надо еще тому запасти. Об этом я не забыл, да и забыть не мог: струйки сметаны с бабушкина ломтя стекали на живот и холодили. Было щекотно, но я все время поеживался и крепко сжимал ноги, чтобы не протекло. Как тут забудешь!

Припрятать что-нибудь, однако, было трудно. Мама стояла тут же, около стола, и смотрела на мою быструю работу. Бабушка тоже пришла в избу и сидела недалеко.

По счастью, в окно стукнули. Это Колюшкина мать зачем-то вызывала мою.

Тут уж надо было успеть.
Я ухватил два ломтя хлеба и сунул их за пазуху, а чтобы не отдувалась рубашка, заправил их по бокам. Быстро выбросил из правого кармана все, что там было, и набил его картошкой с бараниной. С левым карманом было легче. Там лишь берестяная червянка. Вытащить ее, выгрести остатки червей, наполнить карманы рыхловатым, тепловатым караваем — дело одной минуты.
Когда мама вернулась, я был сыт и чувствовал бы себя победителем, если бы не проклятая сметана. Она уже ползла по ногам, и я боялся, что закаплет из левой штанины.
— Зачем Яковлевна-то приходила?
— Молока крынку унесла. Колюшку покормить. Ушка, говорит, оставлена была, да кошка добылась. Ну, а больше и нет ничего. Картошка да хлеб, а накормить тоже охота рыболова-то своего.
— Как ведь! Всякому охота своего дитенка в сыте да в тепле держать... Трудное у Яковлевны дело. Пятеро, все мал мала меньше, а сам вовсе старик. Того и гляди, рассчитают либо в караул переведут... На что только другой раз женился!
— Подымет Яковлевна-то. Опоясками да вожжами все-таки зарабатывает.
— Работящая бабеночка... что говорить, работящая, а трудненько будет, как мужниной копейки не станет. Ой, трудненько! По себе знаю.
Мне давно пора было уходить. Под разговор мамы с бабушкой я думал убраться незаметно, но мама остановила вопросом:
— Егоранько, вы хоть где были-то?
Вопрос мне вовсе не понравился. Неужели Колюшка про Вершинки выболтал? Как отговориться?
— Рыбачили мы...
— В котором, спрашиваю, месте?
— На Песках сперва... Тут Петьша подъязка поймал.
— Ну?
— А я окуня... большого-то...
Мама начала сердиться:
— Не про окуней тебя спрашиваю!
Но тут вмешалась бабушка:
— Да будет тебе, Семеновна. Смотри-ко, парнишка весь ужался, ноги его не держат... Выспится — тогда и расскажет. Ночь на дворе-то. Светать, гляди, скоро будет... Иди-ко, Егорушка, поспи.
Хорошая все-таки бабушка у меня! Когда подходил к порогу, она потрепала по спине и ласково шепнула:
— В сенцах-то, над дверкой, кусок тебе положила. Ты его возьми с собой, а утром съешь. Тихонько бери, не перевертывай.
— Со сметаной?
— Помазала, дитятко, помазала... Неуж одному-то внучонку пожалею... Что ты это! Что ты!
Я и без того знал, что бабушка не жалела. Очутившись в темных сенцах, первым делом полез рукой в левую штанину, чтобы остановить липкую сметанную струйку. Сметана будто ждала этого и сейчас же поползла еще сильнее во все стороны. Пришлось вытащить кусок и заняться настоящей чисткой — смазывать на пальцы и облизывать.
Тихо сидя на приступке, я слышал, как мама говорила:
— Из сыромятной кожи им надо карманы-то шить. Видела, как оттопырились? Чего только не набьют!
— Ребячье дело. Все им любопытно.
— А мнется что-то. Не говорит, где был. У Яковлевны-то эдак же. Знаешь ведь, он какой: не

захочет, так слова не добьешься.
— Наш-то простой. Все скажет.
— Попытаю вот я завтра.
— Да будет тебе! Парнишко ведь — под стекло не посадишь.
Просто замечательная бабушка! Все как есть правильно у ней выходит.
Кусок с наддверья я снял и сложил с тем, что вытащил из-за пазухи. Теперь у меня четыре куска да оба кармана полны. Ловко! Куда только это? Изомнется, поди, в карманах-то... С ребятами надо сговориться, как завтра отвечать. С Петьшей нам просто, а вот как Кольшу добыть?
Через широкую щель забора поглядел к ним во двор. В избе все еще огонь. Колькина мать сидит за кроснами, ткет тесьму для вожжей. Спит, видно, Колька. В сенцах ведь он. Разве слазить? В это время у них скрипнула ступенька крыльца. Идет кто-то. Не он ли?
— Кольша, Кольша! — зашипел я в щель.
— Ну?
— Иди к нам спать! Петьша у нас же.
— Ну-к что, ладно. Мамонька до утра не увидит... — И Колька осторожно перелез через забор.
Петька был уже на нашем сеновале и встретил ворчаньем:
— Ты что долго? Разъелся без конца! Я уж давным-давно поел. Чуть не уснул, а его все нет! Достал хоть что-нибудь? Для того-то?
— Мы да не достанем! Четыре куска у меня. В одном кармане баранина с картошкой, в другом — каравай. Вот! — хлопнул я до карману.
— Молодец, Егорша! А я подцепил вяленухи два куска да полкружки горохового киселя. Тут, в сене, зарыл! Ну, хлеба не мог. Это так точно. Только и есть, что те два куска. Таюткин да Афимшин. Хватит, поди? Кольше вот не добыть. Плохо у них.
Колюшка, которого Петька не заметил до сих пор, отозвался:
— Картошка-то есть, поди, у нас. Семь штук в сенцах спрятал.
— Кольша! — обрадовался Петька. — Тебя-то и надо. Ты про Вершинки не сказывал?
— Нет, не говорил.
— Вот и ладно. Мы с Егоршей тоже не сказывали. Теперь как? Меня спрашивают, где были, а я и сказать не знаю. Про то, про другое говорю...
— У меня этак же. Мама спрашивает, сердиться стала, а я верчусь так да сяк,— отозвался я.
— Кольша, тебя мать-то спрашивала? Потом-то, как кормила?
— Спрашивала.
— Ты что?
— Ну-к, я сказал...
— Что сказал?
— Сказал... промолчал...
Это показалось смешно. Мы расхохотались. На соседнем сеновале завозился брат Петьки — Гриньша— и сонным голосом проговорил:
— Вы, галчата! Спать пора. Скажу вот...
Гриньша уснул, но мы уж дальше разговаривали шепотом. Сложили все запасы в одно место и уговорились завтра идти не рано, будто за ягодами.
Если будут спрашивать о сегодняшнем, всем говорить одно: удили у Перевозной горы, потом увидели — народ бежит, тоже побежали поглядеть, да на тракту и стояли. Ждали, что будет, а ничего не дождались. Так и не узнали. Говорят, кто-то убежал, его и ловили. Неугомонный Петька хотел было еще уговориться:
— А где мы зеленую кобылку ловили?

Но тут стал всхрапывать Колюшка. И у меня перед глазами стала появляться тихая вода, а на ней поплавок. Вот пошел... пошел... а!..
Петька все еще что-то говорит. Опять тихая вода, а на ней поплавок... Потянуло... Окунь! Какой большой! Тащить пора, а рука не подымается...